

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКИЙ КАК РЕДАКТОР
«ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ»*

Василий Григорьевич Васильевский (1838–1899), признанный глава петербургской школы византиноведения последней четверти XIX в., оказал глубокое воздействие не на одно поколение ученых разных гуманитарных специальностей. Силу обаяния личности В.Г. Васильевского испытал на себе и Игорь Павлович Медведев, данью его благодарной памяти стали работы, посвященные творческому наследию великого предшественника¹.

По словам И. М. Гревса, ближайшего ученика В.Г. Васильевского и автора книги о нем, Василий Григорьевич был «одним из сильнейших очагов и распространителей научного света не только “исторического”, но и “гуманитарного” вообще»; он «не только двигал науку вперед, но и воспитывал наукой»².

Васильевский служил российскому просвещению как учитель науки и как общественный педагог в широком смысле: он проповедовал ее ценности с кафедры С.-Петербургского университета, отстаивал гуманитарное образование в Ученом комитете Министерства народного просвещения, служил проводником научного духа в созданном при его участии «Византийском временнике» и во вверенном его попечению официальном «Журнале Министерства народного просвещения» (далее – ЖМНП).

С ЖМНП В. Г. Васильевский был связан всю жизнь, начиная с 1863 г. Здесь он опубликовал большую часть своих ученых трудов, здесь получил научное признание; с 1883 г. на него легли обязанности помощника редактора, а в 1890 г. он возглавил журнал.

ЖМНП был старейшим в России ведомственным периодическим изданием³. Свое название он получил в 1834 г., когда министром народного просвещения стал С.С. Уваров. При Уварове журнал поставил себе целью не только служить официальным органом министерства, в котором помещались правительственные распоряжения по учебной части и отчеты министерства, но стать своего рода русским «*Journal des savants*», позволяющим следить за движением всех наук.

ЖМНП выходил ежемесячно в течение 1834–1917 гг.; всего было опубликовано 434 части, каждая включала в себя несколько номеров. На протяжении своей более чем 70-летней истории облик журнала и его программа менялись несколько раз в зависимости от зигзагов государственной образовательной политики, вкусов и предпочтений министров народного просвещения.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти: Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII – начале XX вв.»).

Так, в конце 1850-х гг. волей министра Е.П. Ковалевского ЖМНП был преобразован в педагогический журнал, и его возглавил К.Д. Ушинский. Министр А.В. Головнин, за короткое время своей министерской деятельности (1862 – апрель 1866) изменивший всю учебную систему, поставил ЖМНП на службу гласности и потребовал, чтобы журнал открыто и во всех подробностях знакомил читателей с деятельностью министерства; в результате официальная часть журнала совершенно вытеснила научную.

На страницах журнала печатались материалы о научных занятиях 100 профессорских стипендиатов, которых Головнин в 1862 г. командировал за границу для завершения образования у корифеев западной науки с обязательством каждые три месяца посылать в министерство отчеты о результатах своей стажировки. Извлечения из этих отчетов публиковались в ЖМНП. В число стипендиатов попал и Васильевский, и его отчеты о занятиях античной историей печатались на страницах ЖМНП⁴. В Берлине Васильевскому посчастливилось слушать лекции Т. Моммзена. С глубоким уважением пишет он об авторе «Римской истории»: «Моммзен в настоящее время – один из главных и лучших представителей немецкой науки. После Нибура никто не сделал столько для Римской истории, как он. В нем можно видеть столь редкое соединение громадной учености со способностью живого понимания дела, удивительного даже для немецкого ученых трудолюбия с даром пронизательности и остроумия, вносящих жизнь и свет в самые, по-видимому, темные и бесплодные массы материала, находящегося в его распоряжении. Немцы имеют полное право выражаться: “Наш гениальный Моммзен”»⁵. Глубокая характеристика, данная Моммзену молодым Васильевским, тем более важна, что впоследствии его самого назовут «самым большим историческим талантом, существовавшим на русской земле» и поставят в один ряд с Т. Моммзеном⁶.

Первой научной работой Васильевского стал библиографический обзор новых сочинений по истории Римской империи, присоединенный им к отчету за сентябрь–ноябрь 1863 г. (1864. Ч. 121. С. 226–257). Затем последовала большая статья «Взгляд Грота на историю Афинской демократии» (1867). Дань античной истории будущий византинист отдал и в своей магистерской диссертации «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка», напечатанной в ЖМНП в виде отдельных статей (1868–1869. Ч. 139–142. Отд. изд. 1869)⁷.

Диссертация Васильевского появилась на страницах обновленного ЖМНП, после того как новый министр Д.А. Толстой вернул журналу научное направление, содействуя публикации работ ученых, избравших областью своих исследований античность и византиноведение.

В 1866 г. редактором ЖМНП Толстой назначил А.И. Георгиевского, горячего поклонника классического образования. В 1873–1898 г. Георгиевский занимал один из ключевых министерских постов – председателя Ученого комитета Министерства народного просвещения – и в новой должности продолжал негласно руководить журналом и определял его политику. Официальным редактором с 1871 г. являлся будущий главный цензор России Е.М. Феоктистов. Помощником редактора с 1866 г. был историк литературы Л. Н. Майков.

Георгиевский установил в журнале три отдела, не считая официального: отдел педагогики и наук, отдел критики и библиографии и отдел современной летописи. В интересах школьной реформы, утвердившей принципы классицизма, Георгиевский усилил в журнале гуманитарную часть, а в 1873 г. при его ближайшем участии был создан Отдел классической филологии. Установленная Георгиевским программа журнала оставалась почти неизменной вплоть до 1917 г.

ЖМНП имел широкую читательскую аудиторию: с 1876 г. журнал выходил тиражом 1700 экземпляров, имел 1006 обязательных подписчиков и 235 частных⁸. Журнал поступал во все учебные заведения Министерства народного просвещения и позволял педагогам следить за деятельностью министерства, успехами науки и практической педагогики в России и за границей. В конце 1885 г. редакция получила разрешение распространять безденежно до 320 экземпляров журнала, в том числе иностранным университетам в обмен на их издания⁹. Редакция ежегодно рассылала своим подписчикам до 20 000 отдельных книг журнала весом в общей сложности свыше 500 пудов¹⁰.

Благодаря финансовой поддержке правительства ЖМНП существовал в условиях полного материального обеспечения и не скупился на вознаграждение труда редактора и авторов. Редактор получал помимо 1764 руб. штатного жалования в год еще 2000 руб. добавочных из сумм редакции; размер гонорара, сохранявший силу на протяжении нескольких десятилетий, составлял 3 рубля за страницу¹¹. Щедрые гонорары побуждали маститых ученых много писать, а молодым помогали встать на ноги.

В журнале принимали участие такие крупные научные силы Петербурга и Москвы, как К. Н. Бестужев-Рюмин, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, В. И. Ламанский, А. Д. Градовский, Н. А. Лавровский, А. Н. Веселовский, Я. К. Грот.

В. Г. Васильевский был одним из тех ученых, которые печатали свои труды почти исключительно в ЖМНП. Первая же его статья по истории Византии, «Византия и печенеги» (1872), создала ему научное имя. Первостепенное значение имели напечатанные им в ЖМНП «Материалы для внутренней истории Византийского государства» (1879–1880) и обширный цикл исследований «Русско-византийские отрывки» (1875–1878). За русско-византийские исследования Московский университет присвоил Васильевскому звание доктора русской истории *honoris causa* (1878).

Участие Васильевского в русскоязычных изданиях не помешало его европейской известности; более того, он приучил своих западных коллег (К. Крумбаха, например) читать на языке оригинала русские византиноведческие труды. Благодаря тому, что в журнале были опубликованы основные работы Васильевского, возрастал авторитет журнала и увеличивался спрос на него. Например, издатель *Analecta Bollandiana* И. Делеэ (H. Delehayе) ходатайствовал об обмене изданиями, мотивируя свою просьбу необходимостью иметь под руками работы Васильевского¹².

Сотрудничество Васильевского с ЖМНП получило прочное основание в 1883 г., когда он стал помощником редактора журнала. Место редактора ЖМНП занял А. Н. Майков¹³. Изменения в составе редакции ЖМНП при-

зошли следом за назначением министром народного просвещения И.Д. Делянова (министр в 1882–1897). Человек образованный и культурный, страстный книголюб, Делянов, по словам С.Ю. Витте, «никогда никаких резких вещей не делал, всегда лавировал, держась того направления, которое в то время было преобладающим, а именно направления графа Дмитрия Толстого. Вообще он лавировал на все стороны»¹⁴. В 1884 г. Делянов завершил начатую Толстым университетскую реформу, в результате которой университеты лишились былой автономии и были подчинены мелочной опеке министра и попечителя. Дальнейшая деятельность Делянова на посту министра народного просвещения полностью совпадала с общим направлением внутренней политики царствования Александра III.

Во время студенческих волнений Делянов, имевший репутацию миротворца, не раз предупреждал резкие шаги профессоров, возмущенных произволом властей. В 1888 г. своим невозмутимым добродушием он обезоружил подавшего в отставку В. Г. Васильевского и тем сохранил его для университета. Во время личного объяснения с Деляновым Васильевский прямо объявил министру, что «не сочувствует политике, которая теперь проводится в университете, ничего хорошего от нее не ожидает и естественно потому не может нигде высказываться в ее пользу, а разве напротив»¹⁵. Министр упрасивал Васильевского: «Да мы от Вас ничего почти и не требуем или просим очень немного. Ведь Вы не будете бунтовать студентов? Все, чего мы от Вас ожидаем, это то, что когда к Вам придут студенты на дом или вообще вступят в разговор, Вы им посоветуете оставаться спокойными и не производить дальнейших беспорядков <...> Когда придет ко мне Ваше прошение, я пришлю его вам обратно»¹⁶.

Оппозиционность Васильевского не стала препятствием для его службы в ЖМНП, напротив, в 1890 г. Делянов назначил его редактором министерского журнала. Хотя Васильевский пользовался высоким авторитетом в Министерстве народного просвещения, сила его влияния была ограничена исключительно научной сферой. Ведомственный орган Министерства народного просвещения, информировавший своих служащих о действиях правительства в области образования, не предназначался для общественно-политических дискуссий, и критика действий правительства на его страницах не допускалась. В остальном Делянов не вмешивался в дела ЖМНП и передал его в полное распоряжение редакции.

Майков и Васильевский поставили журнал на очень высокий уровень: в его неофициальной части было напечатано большое количество научных материалов почти по всем областям гуманитарного знания, как в виде самостоятельных научных исследований, так и в виде рецензий, иногда очень обстоятельных.

С подачи Васильевского престижный научный журнал давал приют «первым опытам» ученых молодого поколения. Летом 1886 г., находясь на летних каникулах в Усть-Нарве, Васильевский хлопотал за своего ученика И. М. Гревса: «Я прочитал, – пишет он Майкову, – статью Гревса о колонате, которую получил от него перед отъездом. Она произвела на меня очень хорошее впечатление; по-моему, она написана не только дельно, но мило и благородно... Само собой

разумеется, что интерес его требует возможно скорого напечатания сего первого опыта, назначенного для публичности»¹⁷. Через несколько месяцев статья Гревса, посвященная разбору книги Фюстель де Куланжа, была напечатана¹⁸.

В ЖМНП было опубликовано переработанное студенческое сочинение харьковчанина В.П. Бузескула о князе Торопецком Мстиславе Удалом¹⁹. Спустя годы Васильевский напишет ему: «ЖМНП, напечатавший много лет тому назад, когда я был еще помощником редактора, Вашу статью о Мстиславе Торопецком, может гордиться тем, что был Вашей учено-литературной колыбелью; в нем Вы росли и выросли»²⁰.

По своим душевным качествам Васильевский и Майков очень подходили друг к другу, и Майков входил в «самый тесный круг немногих лиц», которые были друзьями Васильевского, с ним В. Г. «из года в год сближался все теснее»²¹. Для характеристики редакционного быта весьма любопытны письма Васильевского к Майкову. Окрашенные легким юмором, они полны живыми свидетельствами того, как редактор и его помощник в полном согласии несли бремя редакторской работы.

Докучливой повседневной обязанностью было чтение корректур, их приходилось читать очень быстро, нередко за один день. «Возвращаю полученные мною только вчера корректурные листы», – сообщает Васильевский в одном из писем Майкову²². В другом письме он посмеивается: «Не многим было известно, как безукоризненно могут печататься в нашей типографии греческие тексты: теперь тысячи (а может быть, и мириады) моих читателей убедятся в этом воочию, – если, конечно, будут приняты во внимание все поправки, мною сделанные»²³.

Когда в 1884 г. Васильевский посетил Константинополь, он написал Майкову о своем знакомстве с греческими учеными, «в числе коих есть и такие, которые не только относятся с уважением к ЖМНП, но даже желают писать в нем; более скромные ограничиваются желанием, чтобы о *них* писали. Одному я подал надежду»²⁴.

В 1890 г. редактор и его помощник были избраны в академики: Майков в экстраординарные, а Васильевский сразу в ординарные, что было редкой честью для ученого. Майков вскоре после своего избрания сложил с себя обязанности редактора. Васильевский сообщил об этом В. И. Ламанскому в письме 31 мая 1890 г.: «Майков подал в отставку, и я сегодня утром был у министра и заявил о своем согласии принять на себя *исправление должности* редактора – с помощью Платонова»²⁵. 5 июня 1890 г. Васильевский был назначен полноправным редактором ЖМНП²⁶.

По должности редактора ЖМНП Васильевскому была положена казенная квартира, и он переселился с Васильевского острова на Загородный проспект, в дом № 24, хотя «ему там очень не нравилось: высоко, темно от окружающих огромных домов; шумно, но надо было покориться»²⁷. Помещение редакции находилось по соседству, на Троицкой, в доме Буренина (№ 11, совр. ул. Рубинштейна, д. № 13).

Штатный состав редакции был невелик: помимо Васильевского к ней принадлежали помощник редактора и секретарь. Васильевский выбирал себе

помощников из числа своих учеников: в 1890–1895 гг. это был С. Ф. Платонов, а когда 1 июня 1895 г. он оставил редакцию, Васильевский пригласил ему на смену сразу двух сотрудников: магистра русской истории приват-доцента университета Н. Д. Чечулина и философа, занимавшего скромную должность библиотекаря Публичной библиотеки, Э. А. Радлова²⁸. В 1891 г. в состав редакции вошел профессор Петербургского университета В. К. Ернштедт, он заведовал отделом классической филологии журнала, который существовал обособленно от остального журнала²⁹. Секретарем редакции был Д. И. Георгиевский (старший брат А.И. Георгиевского), который занимал эту должность с 1870 г. и держал делопроизводство и хозяйственную часть журнала в образцовом порядке³⁰. Кроме того, он исполнял обязанности бухгалтера, кассира по раздаче сотрудникам гонорара за статьи и экспедитора по рассылке журнала³¹.

Журнал выходил без задержек и сбоев, очередной номер появлялся в свет к первому числу каждого месяца. Объем ежемесячной книжки журнала составлял от 20 до 25 печатных листов.

ЖМНП имел научно-педагогическую направленность и в первую очередь предназначался для ученого сословия³². К «своей публике» Васильевский причислял также молодых историков и филологов, студентов-гуманитариев и даже гимназистов старших классов. В интересах своих читателей редактор призывал авторов вести изложение в строго научной, но вместе с тем в легко воспринимаемой форме.

Когда Васильевский возглавил журнал, он задался целью изменить его характер. Прежде всего, он постарался свести к минимуму официальную часть журнала и сделать ЖМНП ведущим изданием по гуманитарным отраслям знания. По словам И. М. Гревса, «свою задачу В. Г. мотивировал тем, что науки точные имели в своем распоряжении уже другое издание, гуманитарным (особенно историко-филологическим) не хватало периодического органа»³³.

Благодаря Васильевскому в журнале постепенно стали преобладать исторические сочинения. Он сплотил вокруг журнала лучших русских ученых всех университетских городов и открыл беспрепятственный доступ в журнал многим своим коллегам и ученикам по Петербургскому университету: А. Н. Веселовскому, И. М. Гревсу, А. С. Лаппо-Данилевскому, С. Ф. Платонову, И. П. Минаеву, В. Р. Розену, С. Ф. Ольденбургу, Н. Я. Марру, Е. Ф. Шмурло и многим другим. Журнал пользовался большим уважением научного сообщества, и всякий ученый считал для себя большой честью увидеть свою работу напечатанной на его страницах.

Васильевский сделал правилом помещать в журнале магистерские и докторские диссертации, они печатались в виде больших статей, которые потом переверстывались в виде отдельной книги. Благодаря этому увидели свет многие важные научные работы, для напечатания которых авторы их иначе не нашли бы средств. Подобная практика привела к тому, что публикация на страницах ЖМНП стала непременным условием апробации работ молодых исследователей; журнал, по выражению М. И. Ростовцева, «давал свой штампель молодым ученым»³⁴, открывая им дорогу в большую науку.

Благодаря Васильевскому в журнале широко было представлено византиноведение. Например, на страницах журнала впервые была напечатана одна из лучших работ профессора Новороссийского университета Ф. И. Успенского «Очерки по истории византийской образованности» (1891–1892. Ч. 273–279). После того, как в 1894 г. при участии того же Васильевского и под его редакцией начал выходить журнал, посвященный исключительно византиноведению – «Византийский временник», работы по этой дисциплине перекочевали из ЖМНП в этот новый журнал. В последней статье Васильевского, опубликованной в ЖМНП уже после его смерти, дается отчет о первом пятилетии «Византийского временника»³⁵.

Объем публикаций в журнале не ограничивался, и самостоятельные научные исследования иногда выливались в обширные монографии. В результате журнал порой страдал от переизбытка материала, и некоторые статьи приходилось откладывать на один или два месяца. Подобный сбой произошел в конце мае 1896 г., и Васильевский уведомил Гревса о том, что его статья появится только в июльской книжке журнала: «Приходится немножко огорчить Вас. Оказывается, что наш июньский номер стал совсем выступать за нормальные пределы, – ничего другого не оставалось сделать, как отложить Вашу статью до июля. Вы, конечно, поверите, что я решился на это с большим сокрушением»³⁶.

Отделы «Критика и библиография» и «Современная летопись» никогда не испытывали недостатка материала. Журнал имел всегда свежий материал о главных достижениях российской и зарубежной науки, потому что начиная с 1867 г. он пользовался важной льготой: редакция получала через почтамт любые периодические издания без предварительной цензуры³⁷.

В отделе критики авторам разрешалось вступать в полемику со своими оппонентами при условии, что обе стороны будут вести спор в строго научных рамках и избегать обидных и укоризненных выражений.

В 1889 г. В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский вступили в борьбу из-за хазарской крепости Саркел. Полемическая заметка Васильевского о ее построении задела Успенского, который свой ответ назвал «О миражах, открытых В. Г. Васильевским», а тот, в свою очередь, корректно парировал удар своего оппонента (1889. Ч. 266). Гораздо более ярким спорщиком был товарищ студенческих лет Васильевского филолог-классик В. И. Модестов, о котором Васильевский, шутя, говорил, что ему правильнее было бы называться не «Модестовым», а «Супербинным»³⁸.

Васильевский дважды выступил против модной теории о славянском происхождении гуннов Д.И. Иловайского, который насаждал ее в головы учеников и сбивал с толку юношество³⁹. Полагая, что ложные представления «тем более вредны, чем выше и бесспорнее авторитет лица, их распространяющего»⁴⁰, Васильевский обратился к юношеству с предостережением против слепого следования сомнительной теории. Для Васильевского задача полемики с Иловайским была в содействии разъяснению спорного вопроса и в возражении против недобросовестных методов и приемов обращения с историческими источни-

ками. Иловайский же в пылу спора заявил, что Васильевским руководило не стремление к истине, а ненависть к славянам и желание умалить и унижить славянство. В результате полемика с Иловайским вышла за рамки обычной академической дискуссии и приобрела общественное звучание⁴¹.

Составление обстоятельных рецензий и библиографических обзоров давало авторам неплохой заработок, редакция старалась поддержать своих ближайших коллег, и круг авторов этих отделов редко выходил за пределы Петербурга и Москвы.

По свидетельству И. М. Гревса, «Васильевский был прекрасным редактором – высококомпетентным, обладавшим отличным вкусом и проницательностью в отыскании сотрудников и выборе материала. Он не шел за обстоятельствами при наполнении книжек журнала, а строил определенные планы и замыслы, для осуществления которых привлекал специалистов, несколько, однако, не замыкаясь в собственных проектах, а идя навстречу появлявшимся интересным предложениям свежих научных новинок»⁴².

О редких качествах Васильевского как редактора пишет его верный помощник и преемник по редактированию ЖМНП, философ Э.Л. Радлов: «Только близко стоявшие к нему лица знают и в состоянии оценить труд и заботливость, которые он вносил в редакторскую работу. При выборе статей В. Г. Васильевский руководился исключительно научной ценностью их и был чужд всякой партийности, благодаря чему научное значение журнала, поставленное на надлежащую высоту предшественниками, еще возросло. О статьях, присылаемых В. Г. Васильевскому для печатания, он заботился, как о своих собственных; начинающим ученым он давал полезные указания, незаметно, не затрагивая их самолюбия, исправлял погрешности, а иногда вносил поправки, благодаря которым печатаемое получало научное значение. В личных переговорах с авторами Васильевский, уже приобретший славу первоклассного ученого, оставался все тем же скромным человеком, каким его знали, когда он занимал невидный пост преподавателя гимназии; даже в самую тяжелую обязанность редактора, в необходимость отклонять некоторые из предлагаемых статей, он умел вносить столько деликатности и доброжелательства и так мотивировал свое мнение, что не раз получал изъявление благодарности даже за самый отказ»⁴³.

Идеальным редактором Васильевского делали его широкая образованность, глубокое знание литературы, живое понимание действительности, высокая нравственность и редкая отзывчивость. Его личность играла немалую роль в том сочувственном отношении, какое проявляли российские ученые к ЖМНП, ведь многие из них были взлелеяны журналом и его редактором.

Участие Васильевского в журнале объяснялось не только его научными склонностями, но и другими сопутствующими обстоятельствами, а именно, особенностями научной жизни в России, где из-за бедности научных сил кабинетный ученый, чуравшийся общественной деятельности, оказывался центром коллективной работы, и ему одному приходилось выполнять работу за десятых. Исполнение разнообразных текущих обязанностей профессора, академика, члена Ученого комитета и редактора ЖМНП, разумеется, было весьма

обременительно для Васильевского и шло в ущерб его собственным научными занятиям, о чем горько сетовал И.М. Гревс. И все же его вовлеченность в усиленную работу по организации научно-исследовательского дела и участие во многих научных предприятиях сыграли не последнюю роль в том, что он стал признанным главой петербургской школы византиноведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее о Васильевском см.: *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 107–191.
- 2 Монография И. М. Гревса «Василий Григорьевич Васильевский, профессор и академик. Опыт биографии (1838–1899)» до сих пор целиком не опубликована. Одну главу из нее издал И.П. Медведев: Последний год жизни и смерть В. Г. Васильевского (глава из неопубликованной монографии И. М. Гревса // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 220–236 (переизд.: Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 158–181). Рукопись монографии Гревса датируется 1929 г. и хранится в его личном фонде: СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Ниже ссылки даются на машинописную копию монографии: Там же. Д. 22 а.
- 3 Министерство народного просвещения, созданное в 1802 г., с самого начала своего существования имело периодическое издание, выходившее под разными наименованиями.
- 4 Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию // ЖМНП. 1863. Ч. 117. Отд. II. С. 294–298; Ч. 119. Отд. II. С. 37–41; 1864. Ч. 121. Отд. II. С. 219–257. Подробнее см.: *Курбатов Г. Л.* Из истории научных связей русской византистики: В. Г. Васильевский в Германии // ВВ. 1971. Т. 31. С. 79–83.
- 5 Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию // ЖМНП. 1863. Ч. 117. Отд. II. С. 294. Отчет Васильевского составлял резкий контраст с рапортом его приятеля В. И. Модестова о том, что для него посещение лекций в Берлинском и Боннском университетах было почти равносильно пустой трате времени: Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию // ЖМНП. 1862. Ч. 116. Отд. II. С. 168–170.
- 6 *Чечулин Н. Н.* Памяти учителей. К. Н. Бестужев-Рюмин, В. Г. Васильевский, А. Н. Майков. СПб., 1901. С. 13.
- 7 По словам И. М. Гревса, «сам В. Гр-ч, хотя и приобрел уже настоящую славу как выдающийся профессор и первоклассный византиновед, иногда любил вспоминать о своей магистерской диссертации, признавая ее, очевидно, важною главою в истории своих трудов; только он посмеивался над претенциозной громоздкостью, как он говорил, ее заглавия. Когда я раз спросил, как бы он назвал книгу теперь, он ответил: “Просто бы написал – “Арат и Клеомен”. Внимательный читатель сам бы разобрался, в чем дело. Впрочем, в конце для помощи его суть дела указана»»: *Гревс И.М.* Василий Григорьевич Васильевский, профессор и академик. Опыт биографии (1838–1899). СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22 а. Л. 137.
- 8 РГИА. Ф. 742. Оп. 2. Д. 1. Л. 22–23.
- 9 Там же. Л. 76.
- 10 Данные на 1900 г.: Там же. Л. 87.
- 11 Там же; Ф. 846. Оп. 2. Д. 6. Л. 5 об.

- 12 [Радлов Э.А.] Василий Григорьевич Васильевский (Некролог) // ЖМНП. 1899. Ч. 323. Июнь. С. 4.
- 13 22 февраля 1883 г. Майков ходатайствовал перед министерским начальством о назначении Васильевского помощником редактора: «Опыт предшественников моих по редакции “Журнала Министерства народного просвещения” тайных советников Георгиевского и Феокистова в течение 14,5 лет доказал, что сложные занятия по изданию этого журнала слишком затруднительны для исполнения их одним лицом, на которое падает не только просмотр корректур, но и предварительное рассмотрение всех вновь поступающих в большом количестве статей и приготовление их к печати; при том же по самому свойству журнала требуется серьезное образование для того, чтобы вести это издание удовлетворительным образом. Ввиду сего имею честь ходатайствовать о разрешении мне пригласить с текущего месяца для занятий по редакции в помощь мне экстраординарного профессора С.-Петербургского университета по кафедре всеобщей истории, члена Ученого комитета Министерства народного просвещения, статского советника Васильевского с назначением ему из сумм редакции *вознаграждения по сто рублей в месяц*»: РГИА. Ф. 742. Оп. 2. Д. 1. Л. 30. Нуждавшийся в приработках Васильевский с готовностью принял предложение Майкова. Многие отмечали крайнюю непрактичность Васильевского, его удивительную неприязнательность и покорность трудностям жизни. Неустроенность быта и постоянная нужда в деньгах (жена Васильевского отличалась полным неумением экономно вести хозяйство) заставляли его работать на износ.
- 14 Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 311.
- 15 РО ИРАИ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 235. Л. 80 об. Письмо В. Г. Васильевского Л. Н. Майкову от 22 января 1888 г.
- 16 Там же.
- 17 Там же. Л. 67–67 об. Письмо В. Г. Васильевского Л. Н. Майкову от 15 июля 1886 г.
- 18 Гревс И.М. Новое исследование о колонате // ЖМНП. 1886. Ч. 248. С. 150–165, 307–354.
- 19 Бузескул В.П. Князь Торопецкий, Мстислав Мстиславович // ЖМНП. 1883. Ч. 226. Отд. II. С. 221–269; Ч. 227. С. 240–287.
- 20 Цит. по: СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22 а. Л. 297. Письмо В. Г. Васильевского В. П. Бузескулу 24 декабря 1898 г. По просьбе Гревса Бузескул отправил ему копии писем В. Г. Васильевского. По словам Бузескула, в этом письме «так ярко отражается личность Вас Гр., его доброта»: Ф. 726. Оп. 2. Д. 37. Л. 14. Письмо В. П. Бузескула И. М. Гревсу от 13 июня 1929 г. Харьков. Однако в личном фонде Бузескула письмо В. Г. Васильевского не сохранилось.
- 21 Там же. Оп. 1. Д. 22 а. Л. 291–292.
- 22 РО ИРАИ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 235. Л. 60–60 об. Письмо В. Г. Васильевского Л. Н. Майкову от 10 апреля 1886.
- 23 Там же. Л. 96. Письмо б/д.
- 24 Там же. Л. 48 а об. Одесса, 22.06.1884.
- 25 СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 292. Л. 11 об. Письмо В. Г. Васильевского В. И. Ламанскому от 31 мая 1890 г. (в письме ошибочно: 1889).
- 26 РГИА. Ф. 742. Оп. 2. Д. 1. Л. 32.
- 27 СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22 а. Л. 279.

- 28 Оба помощника получали, пусть небольшой, но твердый оклад (75 руб. в месяц, или 900 руб. в год): Там же. Л. 61–62 об. Оклад Платонова, единолично исполнявшего обязанности помощника редактора, составлял 100 руб. в месяц, или 1200 руб. в год.
- 29 Подтверждение тому находим в письме В. Г. Васильевского Л. Н. Майкову от 10 апреля 1884 г.: «присоединяю две статейки Регеля, которые, очевидно, должны послужить украшением классического отдела, а для нас не особенно интересны»: РО ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 235. Л. 60–60 об. По-видимому, речь идет о статье «Об одной погребальной пещере в Вифинии» (1886. Ч. 245. Июнь. Отд. V. С. 113–117). Подробнее о содержании отдела классической филологии см.: Классическая древность в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП): Аннотированный указатель статей 1834–1917 гг. / сост. А.И. Рубан; вступит. ст. Е.Ю. Басаргиной. СПб., 2015.
- 30 Д. И. Георгиевский (Некролог) // ЖМНП. 1897. Ч. СССІХ. С. 208–210.
- 31 О круге обязанностей Георгиевского, а попутно и о материальном положении Васильевского узнаем из письма ученого к своему ученику Х.М. Лопареву, отправленному с дачи: «Я прошу Вас зайти к Дмитрию Ивановичу Георгиевскому – редакция ЖМНП Троицкая, № 11 (XI) – всего лучше утром от 11 до 11/1/2 часов, и заявить ему о следующих полномочиях 1) получить от него деньгами сто рублей серебром 2) получить от него журналы и книги, которые для меня назначены, с тем чтобы привести их сюда 3) получить от него купленную почтовую бумагу и марки, а если таковых не будет, то самим купить. На полученные от Георгиевского деньги нужно будет выкупить заложенное за 40 рублей серебром ружье. Это Вас просят сделать при помощи Александра Кирпичникова. А затем уж возьмите на себя труд привести оружие сюда для известной забавы. Впрочем, подробности о способе добыть ружье разъяснят Вам дети, которые более в нем заинтересованы. Сумму, которая останется, прошу Вас привести сюда лично и поскорее»: СПбФ АРАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 85. Л. 44–44 об. Письмо В. Г. Васильевского Х. М. Лопареву от 5 июля 1891 г.
- 32 В. Г. Васильевский так характеризует читательскую аудиторию ЖМНП: «Публика “Журнала Министерства народного просвещения” – в главном своем составе – другого характера – если кто из среды ее захочет проверить наши взаимные доводы и ссылки на источники, на греческие и латинские тексты, то, конечно, в состоянии это будет сделать»: Васильевский В.Г. Еще раз о мнимом славянстве гуннов. Ответ Д.И. Иловайскому // ЖМНП. 1883. Ч. 226. С. 348.
- 33 СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22 а. Л. 295.
- 34 РГИА. Ф. 742. Оп. 2. Д. 30. Л. 3 об.
- 35 *Васильевский В.Г.* Византийский временник за пять лет (1894–1898) // ЖМНП. 1899. Ч. 322. Март. Отд. II. С. 132–154; Ч. 323. Июнь. Отд. II, С. 471–494. Смертельно больной В. Г. Васильевский не имел сил держать корректуру и доверил ее чтение Х.М. Лопареву. Из Флоренции он дал своему ученику последние наставления: «А забываю главное уже во второй раз: Вашему личному и особенному наблюдению я поручаю наблюдение над исправным печатанием текста второй половины моей статьи о Визант. Временнике, долженствующей появиться в Журнале Мин. за апрель месяц. Корректуру необходимо будет продержать, имея под руками самые тексты, на которые делаются ссылки и т. п. Уже теперь там кое-что напутано»: СПбФ АРАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 85. Л. 97–97 об. Письмо В. Г. Васильевского Х. М. Лопареву 2/13 апреля 1899 г. Флоренция.

- 36 Там же. Ф. 726. Оп. 2. Д. 41. Л. 6. Письмо В. Г. Васильевского И. М. Гревсу 24 мая 1896 г.
- 37 Там же. Ф. 742. Оп. 2. Д. 1. Л. 19.
- 38 Там же. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22 а. Л. 291.
- 39 *Васильевский В. Г.* 1) О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан (Рецензия труда Д.И. Иловайского: Разыскания о начале Руси. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1882) // ЖМНП. 1882. Ч. 222. С. 140–190; 2) Еще раз о мнимом славянстве гуннов. Ответ Д. И. Иловайскому // Там же. 1883. Ч. 226. С. 346–392.
- 40 Там же. С. 190.
- 41 Острота полемики не отразилась на характере личных отношений оппонентов, о чем узнаем из письма Васильевского из Одессы, содержащего и некоторые другие любопытные детали академического быта: «Кондаков доказывает мне вред купанья, которому я посвящаю утренние часы, он утверждает, между прочим, что от купанья человек тупеет. Я нахожу в этом значительную долю истины; хочу только думать, что это временно. Он приводит примеры и утверждает, что заметил нечто такое на А.И. Иловайском, который купался ныне в Крыму и там с ним встретился. Теперь А. Иванович здесь, и я с ним вчера сидел рядом на вечернем собрании у Кондакова и некоторое время мы мирно ворковали, как два голубка... Ведь в самом деле я ничего против него лично не имею, а вопрос о гуннах не такой, чтобы из-за него предаваться фанатизму»: РО ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 235. Л. 54 об. Письмо В. Г. Васильевского А. Н. Майкову от 13 августа 1884 г.
- 42 СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22 а. Л. 295–295 а.
- 43 [*Радлов Э.Л.*] Василий Григорьевич Васильевский (Некролог) // ЖМНП. 1899. Ч. 323. Июнь. С. 4. Радлов заменял Васильевского в ЖМНП с осени 1898 г. По свидетельству Гревса, перед отъездом в Италию Васильевский хлопотал о том, чтобы передать Радлову редакторство, но тот отказался и не принимал от него даже части редакторского вознаграждения: *Медведев И. П.* Последний год жизни и смерть В. Г. Васильевского (глава из неопубликованной монографии И. М. Гревса // Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 165.